

Незна читель ная деталь

• Адания
Шибли

No Kidding Press

تفصيل ثانوي

عدنّية شبلي

تفصيل ثانوي

دار الآداب - بيروت

Адания Шибли

Незначительная деталь

No Kidding Press

ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Шибли, Адания

Незначительная деталь / Адания Шибли ; пер. А. Голиковой. — М. : No Kidding Press, 2021.

ISBN 978-5-6044749-4-5

«Незначительная деталь» начинается летом 1949 года, через год после окончания войны, которую палестинцы оплакивают как Накбу — катастрофу, повлекшую за собой изгнание 700 000 человек, а израильяне прославляют как Войну за независимость. Израильские солдаты захватывают в плен и насилюют палестинскую девушку, затем хоронят ее в песке. В наши дни молодая женщина в Рамалле становится одержима этой «незначительной деталью» истории и отправляется в путешествие, чтобы узнать подробности случившегося.

Проникая в суть палестинского опыта отчуждения, «Незначительная деталь» говорит о войне, насилии, жизни в условиях оккупации и попытках мыслить и действовать с достоинством в условиях продолжающегося бесправия и стирания твоего опыта.

تفصيل ثانوي
عدنية شبلي / روائية فلسطينية
الطبعة الأولى عام 2017

Copyright © Adania Shibli 2017

© Александра Голикова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021

1

Если что-то здесь и двигалось, то только мираж. Под его гнетом беззвучно дрожали беспредельные сухие земли, пластами поднимаясь к небу. В резком свете полуденного солнца почти стирались неясные очертания желтых песчаных дюн. Среди неровностей и изгибов, пронизанных тонкими тенями колючего кустарника и пунктиром камней на склонах, различалась лишь смутная линия. И кроме этого — ничего. Только бескрайние бесплодные просторы пустыни Негев, над которой навис август с его беспощадной жарой.

Единственными признаками жизни вокруг были далекий вой и крики солдат, разбивавших лагерь. Эти звуки достигли слуха того, кто в бинокль обозревал пустынный пейзаж с позиции на вершине холма. Хотя яростный свет так и бил в глаза, он продолжал изучать борозды узких троп в песке и иногда надолго задерживался взглядом на одной из них. Наконец человек опустил бинокль, отер с него пот, убрал в чехол и направился обратно в лагерь, прокладывая путь сквозь плотный, тяжелый полуденный воздух.

Прибыв сюда, военные обнаружили две хижины да развалины третьей — вот и всё, что осталось после жестокой бомбардировки, которой местность подверглась в начале войны. Зато теперь рядом с постройками стояли две палатки — командирская и столовая, а воздух сотрясался от стука вбиваемых кольев и шестов — ставили еще три, для солдат. Как только он вернулся, его заместитель, старший сержант, сразу же доложил, что площадь полностью расчищена от камней и обломков, а группа солдат в настоящее время занята восстановлением траншей. В ответ он велел завершить все приготовления до темноты и приказал: офицерам, а также некоторым сержантам и рядовым взвода немедленно собраться в палатке командования на совещание.

Солнечный свет заполнял палатку: струился сквозь вход и растекался по песку, очерчивая мелкие отметины от солдатских ботинок. Свою речь он начал с объяснения: помимо демаркации южной границы с Египтом и защиты ее от лазутчиков, главная цель их присутствия здесь — прочесать всю юго-западную часть Негева и зачистить ее от оставшихся арабов. По данным воздушной разведки, там наблюдалась активность со стороны арабских партизан. Также необходимо предпринимать ежедневные вылазки, чтобы ознакомиться с районом и исследовать территорию вглубь. Хотя операция может занять немало времени, придется оставаться здесь, пока эта часть Негева не будет полностью безопасна. Солдатам понадобятся регулярные учения, чтобы освоиться в пустыне и научиться сражаться в местных условиях.

Собравшиеся слушали, следя за движениями его рук над расстеленной картой, где место лагеря было отмечено маленькой черной точкой, едва заметной на фоне большого серого треугольника. Никто из слушателей никак не прокомментировал сказанное, и в палатке на несколько секунд повисла тишина. Он перевел взгляд с карты на угрюмые лица военных, мокрые от пота и лоснившиеся в свете, что проникал через вход. После паузы он продолжил и призвал командование хорошо следить за солдатами, особенно теми, что во взводе недавно: обеспечивать их всем необходимым снаряжением и обмундированием, а в случае нехватки того или другого сообщать непосредственно ему, а также напоминать рядовым о важности личной гигиены и ежедневного бритья. Наконец, прежде чем всех распустить, он приказал шоферу, одному сержанту и двум капралам из тех, что были на совещании, готовиться к скорому выезду: он собирался произвести первую рекогносцировку.

Перед отъездом он зашел в одну из хижин, которую выбрал для проживания. Его вещи грудой лежали у входа. Сначала он перетащил их в угол комнаты, затем извлек из кучи канистру с водой и налил немного в небольшую жестяную миску. Достал из вещмешка тканевую мочалку, окунул ее в воду и смыл с лица

пот, снова намочил, снял рубашку и протер подмышки. Оделся, застегнулся, как следует прополоскал мочалку и повесил ее на гвоздь в стене. Выйдя на улицу, он выплеснул грязную воду из миски в песок, вернулся, поставил ее рядом с остальными вещами в углу и покинул хижину.

Водитель сидел на своем месте, за рулем, а остальные участники вылазки, получившие приказ присоединиться, стояли вокруг автомобиля. При его приближении они заняли заднее сиденье, а сам он направился к переднему. Шофер выпрямился, потянул руку к ключу зажигания и завел двигатель, который сотряс своим ревом воздух.

Они двинулись на запад, прокладывая путь среди бледно-желтых дюн, разбросанных повсюду. За машиной следовало плотное облако песка — он вылетал из-под колес и взвивался высоко в воздух, застилая всё позади. Доставалось и тем, кто сидел сзади, — им пришлось закрывать глаза и рот, чтобы защититься от пыли. Но песчаные волны, меняя форму, и не думали утихомириваться, пока машина не скрылась вдалеке и рев двигателя окончательно не затих. Тогда песок начал тихо оседать на склонах, смягчая две резкие параллельные борозды от шин.

Команда достигла линии перемирия с Египтом и проинспектировала границу, но никаких попыток ее пересечь не обнаружила. Солнце клонилось к горизонту, военные изнемогали от жары и пыли, и он приказал шоферу возвращаться в лагерь. Патрулируя район, они не заметили никаких признаков присутствия людей, несмотря на сводки о перемещениях на этой территории.

В лагерь прибыли до темноты, но на востоке синева неба уже уступила темноте, сквозь которую неуверенно пробивался тусклый свет нескольких звезд. Работы еще не окончились, так что, выбравшись из машины, он первым делом распорядился покончить со всем до ужина. Солдаты тут же зашевелились с возросшей скоростью и бодростью — их силуэты так и сновали в полумраке.

После этого он направился в свое жилище, где его поджидала крошечная тьма. На некоторое время он замер посреди комнаты, потом открыл дверь настежь, чтобы хоть немного разбавить темноту, снял с гвоздя уже совсем высохшее полотенце, вылил на него прямо из канистры немного воды и стер с лица и рук пот и пыль. Опять он наклонился над своими вещами, вынул лампу, снял с нее стекло, поставил ее на стол, но фитиль не зажег и вышел. В хижине он пробыл всего несколько минут, но за это время небо усеяли звезды. Чернота полностью окутала лагерь, как будто ночь разом опустилась на них. Силуэты солдат снова двигались медленно, через темно-синюю ночь доносились их голоса, а робкие лучи от зажженных ламп пробивались сквозь входные отверстия и щели палаток, рассеивая мрак.

Он обходил лагерь, проверяя, как идет работа, а особенно — как восстанавливают траншеи и обустривают площадку для учений. Всё было как будто в полном порядке, вот только обычно взвод собирался на ужин ровно в восемь, а сейчас шел уже девятый час. Однако все потянулись в палатку столовой и расселись за длинными столами.

После ужина он направился напрямик в свое жилище — дорогу освещали полная луна и звезды, рассыпанные над темным горизонтом. Приготовившись ко сну, он прикрутил фитиль, вытянулся на матрасе, откинул одеяло подальше, полностью раскрывшись. Жара, висевшая в комнате, была невыносимой, но уснул он немедленно. Этот день — 9 августа 1949 года — выдался долгим и тяжелым для всех.

Его разбудило какое-то шевеление на левом бедре. Он открыл глаза — темнота в комнате крошечная, жара сгустилась. Всё тело — мокрое от пота. Под его трусы заползла какая-то тварь, немного продвинулась выше и остановилась. Воздух гудел от тишины и неподвижности вокруг, время от времени слышались негромкие голоса солдат, поставленных охранять